

От индустриальной к тотальной войне? Динамика развития военных конфликтов в первой половине XX века

Искандэр Магадеев
МГИМО

РЕЗЮМЕ

Цель статьи — выявить те факторы и обстоятельства, которые не укладываются в представление о нарастающей «тотализации» и «индустриализации» войны в первой половине XX века. Автор стремится определить лакуны и «белые пятна»: те явления, которые выпадают из представлений о динамике развития военных конфликтов как о пути от Первой ко Второй мировой войне и Второй Тридцатилетней войне 1914 – 1945 гг. При этом речь идет не столько о том, чтобы «развенчать» концепцию «тотализации» войны, сколько точнее определить степень ее применимости при анализе разнообразных и комплексных исторических явлений, наметить пути для дальнейшего исследовательского поиска. Сначала автор выявляет внутренние факторы, ограничивавшие процесс «тотализации» вооруженных конфликтов, затем указывает на ряд событий, не укладывающихся в указанную концепцию или дополняющих ее, наконец, в завершение он намечает возможности для дальнейшей ее разработки.

По результатам проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Если определение того или иного конфликта в качестве «тотального» может служить средством анализа его черт и особенностей, то нередко складывается

обратная ситуация. Сама «тотальность» войны требует объяснения, являясь результатом воздействия целого ряда факторов, итогом констелляции уникальных по-своему, как и многое в человеческой истории, обстоятельств. Представление о «магистральной линии» развития военных конфликтов в первой половине XX века в виде нарастающей «тотализации» и «индустриализации» войны не покрывает всего разнообразия и внутренней сложности исторического процесса. Факторы, стимулировавшие развитие процессов «тотализации» (государства, технологии, идеологии), одновременно содержали в себе внутренние лимиты на развитие данных процессов до предела. Концепция «тотальной войны» оставляет за скобками ряд важных обстоятельств, влиявших на эволюцию военного дела и военных представлений в 1914 – 1945 гг.: роль человеческого фактора и специфических оперативно-стратегических условий конфликта, значение колониальных и «малых войн» межвоенного периода. При этом указанная концепция продолжает оставаться ценным исследовательским инструментом и может быть дополнена наработками из сферы социально-экономической истории, а также «мир-системной» теории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Тотальная война, индустриальная война, военные конфликты, Первая мировая война, Вторая мировая война, межвоенный период.

From industrial to total war? Dynamics of the military conflicts' evolution during the first half of the 20th century

Iskander Magadeev
MGIMO University

ABSTRACT

This essay aims at defining the “white spots” in the conception of the growing totalisation and industrialisation of warfare in the first half of the century. The author tries to explore the events and circumstances which fall out of the idea that there was a direct link between WWI and WWII, defended by some scholars, who prefer to speak about the “Second Thirty Years’ War” of 1914 – 1945. The article does not seek to debunk the conception of the warfare totalisation, but to precise the field of its application and to outline the ways of its further development. Firstly, the author analyses the inner factors which limited the totalisation process; secondly, he explores the events which did not match precisely the total war conception; finally, he gives his opinion about the lines to improve and to enrich the set of ideas about the war evolution in the first half of the 20th century.

The main conclusions of the essay are as follows. The definition of a military conflict as “total” could be an instrument of its analysis; nevertheless, the situation could be the opposite one. The “totality” of the conflict itself often

should be the object of the explanation, being the result of the many different factors, the constellation of the unique circumstances, as it happens not infrequently in the human history. The idea of the growing totalisation and industrialisation of warfare as the trunk line of the military evolution in the first half of the 20th century does not cover the whole range of the historical events in their diversity. The factors which stimulated the totalisation of warfare (states, technologies, and ideologies) in the same time put the inner limits on this process, preventing it from becoming absolute. The “total war” conception also leaves aside some important circumstances, which influenced the military conflicts and doctrine in 1914 – 1945, eg., the role of the “human factor”, the specific operative and strategic environment of a conflict, the significance of the colonial and “small” wars of the interwar period. Nevertheless, this conception continues to be a valuable research instrument, especially, if it is enriched with the ideas taken from social and economic history and the “world system” theory.

KEYWORDS

Total war, industrial war, military conflicts, First World War, Second World War, interwar period.

Contact the author via iskander2017@yandex.ru

Первая половина XX века, ознаменованная двумя мировыми войнами, которые принесли колоссальные людские жертвы и разрушения, нередко анализируется как особый период в истории человечества — т.н. Вторая Тридцатилетняя война, продолжавшаяся с 1914 по 1945 г. Авторы, прибегающие к использованию подобной терминологии, стремятся, среди прочего, подчеркнуть взаимосвязь между событиями Первой мировой и Второй мировой войны, рассматривая конфликт 1939 – 1945 гг. как своеобразное продолжение, «второй акт» столкновения, начавшегося в 1914 г. [1] Для них характерно «понимание двух мировых войн как единого комплекса» [2]. Как писал, например, авторитетный американский социолог Ч. Тилли, «трещины, возникшие при урегулировании после Первой мировой войны, были провозвестниками тех разломов, которые случились в конце Второй мировой войны» [3].

Пожалуй, особенно острый характер дискуссии о подобном континуитете приняли в Германии, поскольку они были непосредственно связаны с вопросом о месте нацизма в немецкой истории. Западногерманский историк Ф. Фишер, выдвинувший в 1960-е гг. тезис о первоочередной ответственности Германии за развязывание Первой мировой войны, подчеркивал своеобраз-

ную преемственность между «рывком к мировому господству», который приняли кайзеровский и нацистский рейх: «... идеалы и претензии на гегемонию становятся яснее, ведь, пусть и в более масштабном виде и при бесчеловечных методах, они воздействовали на ход германской истории вплоть до 1945 г.» [4].

Идея континуитета, пронизывающего ключевые события первой половины XX века, используется также при анализе внутреннего характера и особенностей военных конфликтов, пришедшихся на этот период человеческой истории. Концепция «тотальной войны» является одним из важных методологических инструментов в этом отношении.

Так, французский историк П. Микель писал в начале 1980-х гг. о том, что Первая мировая война «уже была «тотальной» войной и должна восприниматься сегодня именно в этом качестве. Ее ужасы стали провозвестником [XX века]» [5]. Схожий тезис просматривается в более позднем утверждении другого автора, британского историка П. Брендона. С его точки зрения, «траншеи Первой мировой войны сравнивали с концентрационными лагерями Второго мирового конфликта. Так оно и было, если говорить об адских страданиях, происходивших в обоих случаях. Согласно этой аналогии, Верден был

[1] Магадеев И.Э. «Вторая тридцатилетняя война» 1914–1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне / И.Э. Магадеев // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 4. – С. 34–61. – Текст: непосредственный.

[2] Сетов Р.А. Тектоника войны. 1939 год / Р.А. Сетов. – М.: Макс Пресс, 2019. – С. 11. – Текст: непосредственный.

[3] Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Ч. Тилли. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – С. 246. – Текст: непосредственный.

[4] Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Ф. Фишер. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С. 20. – Текст: непосредственный.

[5] Miquel P. La Grande guerre / P. Miquel. – Paris: Fayard, 1983. – P. 7. – Текст: непосредственный.

Освенцимом» [6]. Наконец, идея нарастающей «тотализации» вооруженных конфликтов в период с Гражданской войны в США 1861 – 1865 гг. до Второй мировой войны — конфликта, в наибольшей степени приблизившегося к «идеальному типу» (в терминах немецкого социолога М. Вебера) тотальной войны — пронизывает 5-томный сборник статей, изданный в 1997 – 2005 гг. под эгидой Германского исторического института в Вашингтоне [7]. Во многом эта коллекция исследований и поныне остается примером наиболее полного изучения истории военных конфликтов 1861 – 1945 гг. с опорой на концепцию «тотальной войны».

При всей дискуссионности самой дефиниции «тотальной войны» выделяется, как минимум, четыре ее варианта [8] — ряд исследователей подчеркивают взаимосвязь между такими понятиями, как «тотальная» и «индустриальная война», а также между реалиями, которые фиксируют эти концепты. Наряду с теми экспертами, которые считают ключевыми характеристиками «тотальной войны» размытие границ между тылом и фронтом, радикальные цели одной или нескольких сторон в войне (уничтожение противника), утверждение новых форм власти и иерархий

(растущее подчинение граждан государству, а гражданских лиц — военным руководителям), существует еще одна группа авторов. Если суммировать их точку зрения, для них «тотальная война» означает промышленную и идеологическую мобилизацию всего населения воюющими правительствами. Акцент сделан в данном случае не на военных действиях как таковых, а на том, какой масштаб производительных сил задействован для ведения войны, а также на управлении подобными усилиями с опорой на государственную бюрократию, пропаганду и цензуру» [9].

Так, согласно британскому историку Э. Гэту, главная особенность «тотальной войны» состояла в «высокой степени мобилизации вместе с высоким уровнем ВВП [валового национального продукта], выделяемого, главным образом, на массовое промышленное производство средств ведения войны» [10]. Вместе с тем понятия «тотальная война» и «индустриальная война» не являются тождественными. В случае двух мировых войн широкомасштабная промышленная мобилизация стала одной из основ для ведения «тотальной войны», однако исследователи подчеркивают, что колоссальный уровень насилия и уничтожения может быть достигнут

[6] Brendon P. *The Dark Valley: A Panorama of the 1930s*. / P. Brendon — London: Jonathan Cape, 2000. — P. 3. — Текст: непосредственный.

[7] *On the Road to Total War. The American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871* / ed. by S. Förster, J. Nagler. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — 705 p. — Текст: непосредственный; *Anticipating Total War. The German and American Experiences, 1871 – 1914* / ed. by M. Boemeke, R. Chickering, S. Förster. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 496 p. — Текст: непосредственный; *Great War, Total War. Combat and Mobilization on the Western Front* / ed. by R. Chickering, S. Förster. — Cambridge: Cambridge University Press, 2000. — 531 p. — Текст: непосредственный; *The Shadows of Total War. Europe, East Asia, and the United States, 1919 – 1939* / ed. by R. Chickering, S. Förster. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 376 p. — Текст: непосредственный; *A World at Total War. Global Conflict and the Politics of Destruction, 1937 – 1945* / ed. by R. Chickering, S. Förster, B. Greiner. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — 392 p. — Текст: непосредственный.

[8] Saint-Amour P.K. *On the Partiality of Total War* / P.K. Saint-Amour // *Critical Inquiry*. — 2014. — Vol. 40. — No. 2. — P. 429. — Текст: непосредственный.

[9] Ibidem.

[10] Gat A. *War in Human Civilization* / A. Gat. — Oxford: Oxford University Press, 2006. — P. 527–528. — Текст: непосредственный.

и при помощи весьма примитивных технологий и средств (как, к примеру, в ходе геноцида в Руанде в 1994 г.) [11].

Хронологии развития «тотальной» и «индустриальной войны» также совпадают не во всем. Согласно оценке американского историка У. Мак-Нила, «индустриализация войны может быть датирована 1840-ми годами, когда железные дороги и полуавтоматизированное массовое производство вкупе с прусскими казеннозарядными пушками и французскими экспериментами в задействовании силы пара для противостояния британскому морскому превосходству стали преобразовывать военные учреждения предшествующего времени» [12].

Краткая характеристика современного историографического контекста, связанного с дискуссиями вокруг феноменов и понятий «тотальная» и «индустриальная война», позволяет сформулировать цель данной статьи. Она состоит в том, чтобы выявить те факторы и обстоятельства, которые не укладываются в представление о нарастающей «тотализации» войны в первой половине XX в. Автор стремится определить лакуны и «белые пятна»: те явления, которые выпадают из обрисованных выше представлений о динамике развития военных конфликтов. При этом речь идет не столько о том, чтобы «развенчать» концепцию «тота-

лизации» войны, сколько о том, чтобы точнее определить степень ее применимости при анализе разнообразных и комплексных исторических явлений, наметить пути для дальнейшего исследовательского поиска. Сначала автор выявляет внутренние факторы, ограничивавшие процесс «тотализации» вооруженных конфликтов, затем указывает на ряд событий, не укладывающихся или дополняющих указанную концепцию, наконец, в завершении он намечает возможности для дальнейшей ее разработки.

ВНУТРЕННИЕ ЛИМИТЫ «ТОТАЛИЗАЦИИ»

Если исходить из представления о том, что государства, технологии и идеологии являются ключевыми инструментами «тотализации» войны [13], то они содержат в себе и внутренние лимиты на развитие подобного процесса до предела.

В значительной мере рост функций государства и степени государственного контроля над различными сферами социально-экономической жизни связан с тенденциями на «тотализацию» войну. Два мировых конфликта колоссальным образом расширили вмешательство государственной власти в экономику и социальную сферу [14]. Мировые войны также продемонстрировали «увеличившуюся возможность [правительств]

[11] The Routledge Handbook of Ethnic Conflict / ed. by K. Cordell, S. Wolf. – 2nd ed. – London: Routledge, 2016. – P. 131. – Текст: непосредственный.

[12] Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общества в XI – XX веках / У. Мак-Нил. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – С. 300. – Текст: непосредственный.

[13] Магадеев И.Э. Динамика тотализации войн в истории XX столетия / И.Э. Магадеев; отв. ред. А.А. Богдашкин // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). – Воронеж: Научная книга, 2017. – С. 5–18. – Текст: непосредственный.

[14] Marwick A. War and social change in the twentieth century: A comparative study of Britain, France, Germany, Russia and the United States / A. Marwick. – N.Y.: St. Martin's Press, 1975. – 258 p. – Текст: непосредственный.

мобилизовать национальные ресурсы — возможность, зависящую, в первую очередь, от расширившихся функций государства. Основные участники Первой и Второй мировых войн отдавали на военные цели более 50 процентов своего национального дохода — соотношение, которое не было достигнуто ни ранее, ни позднее»[15]. Согласно оценкам британского историка М. Харрисона, в 1943 г. на военные расходы основных участников конфликта приходилась колоссальная часть национального дохода: 42 – 43% (США), 55% (Великобритания), 61% (СССР), 70% (Германия)[16].

В этом смысле степень «тотальности» войны серьезным образом зависела от характера государств, участвовавших в ней. То обстоятельство, что правительства стран-участниц Первой мировой войны обладали меньшим контролем и властью над обществами рассматривается как важный фактор, сделавший конфликт 1914 – 1918 гг. менее «тотальным», чем Вторая мировая[17]. Отнюдь не солидаризируясь с отождествлением СССР и Третьего рейха, нельзя не отметить, что масштаб государственного контроля, достигнутый над обществом и экономикой в этих двух государствах, был колоссальным. С точки зрения ряда современников, феномен «тотальной войны» был неразрывно связан с наличием «тотального» или «тоталитарного» государства. Так, например, дипломат

и глава Департамента политической разведки МИД Великобритании Р. Липер в записке от 7 июля 1941 г., размышляя о потенциальных последствиях провала германского «блицкрига» в СССР, отметил: «Германская тактика блицкрига основана на допущении о быстрой победе, на политике «выиграл или проиграл». До этого им всегда удавалось выигрывать, и выигрывать быстро. Однако что случится, если они промахнутся и им придется начать заново? Тотальная война успешна против тех, кто не до конца принял ее последствия, однако Россия, где государство столь же тоталитарно, как и в Германии, приняла последствия тотальной войны в полной мере»[18].

Вместе с тем, каким бы «тотальным» ни было то или иное государство, его возможности по мобилизации экономики и населения отнюдь не безграничны. Ни одно государство не могло направить абсолютно все имеющиеся у него экономические, людские и иные ресурсы на ведение боевых действий. В этом смысле осуществляемая государством мобилизация ресурсов всегда будет частичной, «нетотальной», хотя бы в силу того, что часть из них нужна для поддержания самой государственной, экономической и иных систем, обеспечивающих ведение войны. В связи с этим некоторые британские историки-экономисты полагают, что трата такой развитой экономикой, как британская, около 50% ВВП на воен-

[15] Imlay T. Total war / T. Imlay // *Journal of Strategic Studies*. – 2007. – Vol. 30. – No. 3. – P. 553. – Текст: непосредственный.

[16] Harrison M. The economics of World War II: an overview / M. Harrison // *The economics of World War II: Six great powers in international comparison* / ed. by M. Harrison. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – P. 21. – Текст: непосредственный.

[17] Магадеев И.Э. Первая мировая как тотальная война / И.Э. Магадеев // *Новая и новейшая история*. – 2014. – №4. – С. 11. – Текст: непосредственный.

[18] Цит. по: Lytton A. In the House of Rimmon: British Aid to the Soviet Union, June–September 1941 / A. Lytton // *The Journal of Slavic Military Studies*. – 2013. – Vol. 26. – No. 4. – P. 684. – Текст: непосредственный.

ные нужды в 1939 – 1945 гг. по сути и являлась «тотальной мобилизацией» [19].

При этом расширение государственных функций и контроля само по себе не гарантирует эффективности мобилизационных мероприятий с точки зрения ведения войны. Так, оценивая усилия Германии в Первой мировой войне, американский историк Дж. Уинтер полагал, что «немецкие лидеры, как бы ни жонглировали они с бюрократическими форматами, так и не смогли создать систему эффективного политического контроля над военной экономикой, шла ли речь о промышленности или сельском хозяйстве. Таким образом, у них не было шансов найти баланс между запросами различных секторов экономики в отношении дефицитных ресурсов» [20].

Рост разрушительности военных технологий – еще одна характерная черта периода мировых войн. Как писал российский историк Е.Ю. Сергеев, «боевая авиация и танки, авианосцы и подводные лодки, бронепоезда и бронеавтомобили, минометы и огнеметы, отравляющие газы, минные заграждения, колючая проволока, защитная униформа – все эти нововведения вооруженной борьбы, увы, вошли в реальность XX в. именно вместе с Первой мировой войной» [21]. «Бурный технический прогресс, характерный для этого этапа истории европейской цивилизации», напрямую отразился на характере ведения мировых войн [22].

Вместе с тем важно сделать ряд оговорок. Как было отмечено выше, колоссальные жертвы не всегда являются итогом применения новейших технологий, напротив, они могут быть результатом использования весьма примитивных средств. К тому же, если и можно говорить о непрерывном возрастании разрушительности средств, с помощью которых велись боевые действия, то воздействие этого процесса на сам феномен войны оказалось нелинейным. Невиданный ранее уровень разрушительности военных технологий после появления термоядерного оружия в некотором, хотя и не абсолютном смысле стал преградой для их реального боевого применения.

По мнению целого ряда политологов, относительная стабильность времен холодной войны в виде отсутствия «больших войн» между сверхдержавами, вытекала не столько из фактора биполярности как такового, сколько именно из ситуации, когда с середины 1960-х гг. стало возможным взаимное гарантированное уничтожение сторон [23]. Таким образом, если смотреть на ситуацию из первых десятилетий XXI в., то развитие военных технологий, способствовавших разрастанию насилия, вместе с тем привело к появлению определенных лимитов и рубежей на пути «тотализации» войны. Дойдя до них, человечество оказалось перед выбором:

[19] A World at Total War. – P. 157–176.

[20] Winter J.M. Demographic history and the political economy of war in Western Europe, 1914–1918 / J.M. Winter // *Annales de démographie historique* / Société de démographie historique. – Paris: EHESS, 1990. – P. 406. – Текст: непосредственный.

[21] Сергеев Е.Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны / Е.Ю. Сергеев // *Новая и новейшая история*. – 2014. – № 2. – С. 8. – Текст: непосредственный.

[22] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – С. 165. – Текст: непосредственный.

[23] Copeland D. Neorealism and the Myth of Bipolar Stability: Toward a New Dynamic Realist Theory of Major War / D. Copeland // *Security Studies*. – 1996. – Vol. 5. – No. 3. – P. 30. – Текст: непосредственный.

уничтожение или отказ от термоядерной войны? Все же современные исследователи далеки от оптимизма, полагая, что «изменения в вооружениях действительно воздействуют на восприятие государствами, порождая риски военного столкновения» [24].

Идеологии, как нечто нематериальное, были более гибким инструментом «тотализации» войны, чем государства и технологии. Различные идеологические концепты, способствовавшие в первой половине XX в. дегуманизации образа противника, его «демонизации» и ликвидации морально-психологических преград для уничтожения комбатантов и гражданского населения, внесли существенный «вклад» в «тотализацию» войны [25]. Среди очевидных примеров подобных идеологий — радикальный национализм, расизм, фашизм. Как отмечал немецкий историк Т. Йерзак, характеризуя гитлеровские указания периода подготовки к «Барбароссе», «базовым допущением Гитлера была идея о том, что первая часть «окончательной битвы» будет бесчеловечной в полном смысле этого слова. Исходя из этого, он сам заранее издавал приказы, которые бы изъяли последние остатки человечности из процесса ведения войны» [26].

То обстоятельство, что в войне Третьего рейха против СССР столкнулись

не только «тотальные» государства, но и «тотальные» идеологии, способствовало особой ожесточенности советско-германской (Великой Отечественной) войны. Глава советского правительства И.В. Сталин уже 22 июня 1941 г. отмечал в своем окружении: «Только коммунисты могут победить фашистов...» [27].

Идеологическая индоктринация нередко превращала отдельного индивида и социальные группы в «винтики» тотальной войны. Все же человеческий фактор оставался подчас преградой на пути полной «тотализации» конфликтов с точки зрения разрушительных идеологий. Так, одним из важных факторов в трансформации нацистских методов уничтожения «неарийского» населения на оккупированных территориях стали нараставшие с лета 1941 г. «психологические последствия от расстрелов, прежде всего — женщин и детей, которые испытывали палачи» (это обстоятельство стимулировало переход к использованию газовых камер) [28].

«Изъяны», связанные с человеческим фактором, привели в этом случае к опоре на технологии как на фактор «тотализации». Однако в других случаях сознательные усилия, направленные, например, на оказание помощи еврейскому населению, уничтожаемому нацистами, давали свои результаты, пусть они и были скромными на фоне

[24] Истомин И.А. Миражи инноваций: «вклад» технологического прогресса в военную нестабильность / И.А. Истомин // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Т. 13 – №6. – С. 41. – Текст: непосредственный.

[25] Мировые войны XX века / ИВИ РАН; отв. ред. Г.Д. Шкундин. – Кн. 1. – М.: Наука, 2002. – С. 519–537. – Текст: непосредственный.

[26] Germany and the Second World War. Vol. IX/I / ed. by J. Echternkamp. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 299. – Текст: непосредственный.

[27] The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949 / ed. by I. Banac. – New Haven: Yale University Press, 2003. – P. 166. – Текст: непосредственный.

[28] 1937–1947: la guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. – Т. 1. – Paris: Gallimard, 2015. – P. 977. – Текст: непосредственный.

колоссальных жертв Холокоста. Можно отметить в этом смысле роль действий в период Второй мировой войны правительств нейтральных государств (Швеция, Швейцария и др.), а также Международного комитета Красного Креста (МККК) [29]. Вместе с тем признанием ограниченности подобных усилий стало выступление президента МККК К. Соммаруги в январе 1995 г. на церемонии, приуроченной к 50-летию освобождения Освенцима: «Президент МККК отдал дань памяти всем тем, кто погиб и пострадал во время войны, и публично выразил сожаление по поводу ошибок, допущенных Красным Крестом, и его неспособности защитить жертв концентрационных лагерей» [30].

«ЛАКУНЫ» В КОНЦЕПЦИИ «ТОТАЛИЗАЦИИ» ВОЙНЫ

Концепция «тотальной войны» имеет ряд исследовательских преимуществ, открывая путь к холистскому взгляду на события мировых войн; позволяя создавать длинные исторические нарративы, начиная, например, с периода Тридцатилетней войны 1618 – 1648 гг.; наконец, она дает возможность подчеркнуть общее и особенное в истории XX в. [31]. Вместе с тем концепция имеет ряд «лакун» и «белых пятен», подчас высвечивая одни исторические явления за счет других. Обратим внимание на три подобные «лакуны».

Представление о нарастающей «индустриализации» и «тотализации» войны способствует формированию взгляда на военные конфликты великих держав «сверху». При подобном подходе акцент делается на общих процессах мобилизации ресурсов государства и общества, на взаимосвязи между менявшимся характером войны и макроисторическими трендами в виде усиления роли государства, трансформации промышленного капитализма и др. Однако подобный «обезличенный» взгляд на войну затеняет роль человеческого фактора.

О «лимитирующем» влиянии человеческого фактора в контексте идеологии кратко говорилось выше. Нельзя недооценивать его воздействие и на такие факторы как государства и технологии. Образ «тотального» государства, Левиафана или Бегемота XX в. [32], не должен заслонять колоссального воздействия тех личностей, которые оказывались на вершинах власти, будь то в США (Ф. Рузвельт) и Великобритании (У. Черчилль) или в СССР (И. Сталин) и Германии (А. Гитлер). Парадоксальным образом ход «обезличенной» тотальной войны в значительной степени зависел от решений отдельных личностей.

В условиях «тотальных войн», сопряженных с огромными каждодневными людскими потерями на фронте и в тылу, многим современникам казалось, что роль отдельного комбатанта стала

[29] 1937–1947: la guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. – T. 2. – Paris: Gallimard, 2015. – P. 1821–1867. – Текст: непосредственный.

[30] МККК и Вторая мировая война: Холокост / Международный комитет Красного Креста. – 23 января 2020 г. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mk-kk-i-vtoraya-mirovaya-voyna-holokost> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

[31] Магадеев И.Э. Первая мировая через призму концепции «тотальной войны»: взгляд современников и историков / И.Э. Магадеев; отв. ред. Е.Ю. Сергеев // Первая мировая война – пролог XX века. Ч. 1. – М.: ИВИ РАН, 2014. – С. 331–334. – Текст: непосредственный.

[32] Neumann F.L. Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism / F.L. Neumann. – N.Y.: Oxford University Press, 1942. – 532 p. – Текст: непосредственный.

ничтожно малой. Можно было прийти к выводу, как и делали многие, что концепции, имевшие хождение до 1914 г., были опрокинуты опытом мировых конфликтов. Если французский военный теоретик, а позднее маршал Франции Ф. Фош считал в 1903 г., что «война равна раскладке моральных сил», а «победа равна моральному превосходству победителя, моральному угнетению побежденного» [33], то в 1941 г. И. Сталин делал акцент на другом: «Современная война есть война моторов. Войну выиграет тот, у кого будет подавляющее преобладание в производстве моторов» [34].

Вместе с тем «опыт индустриальной войны с 1914 по 1918 г. не опроверг, а подтвердил» многие из идей Фоша [35]. Примечателен парадокс положения дел в российской армии. Ее морально-психологическая дезинтеграция в 1917 г. шла в условиях относительно неплохой военно-технической обеспеченности. Таким количеством тяжелой артиллерии как в мае и сентябре 1917 г. (1348 и 1430 единиц соответственно) российские силы не располагали никогда, начиная с 1914 г. [36]

Очевидно, что морально-психологическое состояние вооруженных сил серьезным образом зависело от консолидации государственных властей

и прочности правительственного контроля над ситуацией в стране. Однако речь не шла только о принуждении, скорее, можно говорить о своеобразном, пусть и неравновесном взаимодействии между целями властей и общества даже в условиях «тотальной войны». Морально-психологическая стойкость и героизм советских граждан в годы Великой Отечественной войны, ставшие крайне важным фактором итоговой победы, отнюдь нельзя было объяснить лишь государственным давлением. Скорее, как отмечал британский дипломат Дж. Бальфур, речь шла о «развитии советского патриотизма и усилении лояльности к государству и его институтам», о «пробуждении у народа веры в свои силы» [37]. Даже в 1991 г., размышляя о войнах будущего, крупный израильский военный эксперт М. ван Кревельд продолжал подчеркивать: «...если отнять у армии боевой дух, то такой армии будет грош цена» [38].

В рамках концепции «тотальной войны», нацеленной на выявление макротенденций и общих процессов, за скобками нередко остается не только человеческий фактор, но и особые оперативные и стратегические условия того или иного конфликта. Эти условия, однако, имеют нередко крайне серьез-

[33] Цит. по: The Cambridge History of the First World War / ed. by J. Winter. – Vol. 2. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – P. 174. – Текст: непосредственный.

[34] Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы, 6 ноября 1941 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. – М.: ОГИЗ, 1944. – С. 41. – Текст: непосредственный.

[35] The Cambridge History of the First World War. – Vol. 2. – P. 174.

[36] Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну / А.А. Маниковский. – 3-е изд. – М.: Воениздат, 1937. – С. 342–343. – Текст: непосредственный.

[37] Из «Политического обзора событий в Советском Союзе в 1943 г.» посольства Великобритании в СССР, 4 декабря 1944 г. / МГИМО МИД России, ИВИ РАН; под ред. А.О. Чубарьяна, О.А. Вестада // Советско-британские отношения в 1943–1953 гг.: Документы и материалы. – М.: Аспект Пресс, 2021. – С. 123. – Текст: непосредственный.

[38] Кревельд М. ван. Трансформация войны / М. ван Кревельд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – С. 331. – Текст: непосредственный.

ное значение. Если концепция «тотальной войны» позволяет выявить общее в истории ряда военных конфликтов, то нельзя забывать и об их особенных чертах.

В рамках историографических дискуссий по вопросу о том, можно ли считать тот или иной конфликт тотальным (прежде всего, речь шла о мировых войнах), нередко в стороне оставался ряд других важных обстоятельств. Даже Вторая мировая война не была тотальной в каждом своем проявлении и в каждой географической точке. Как отмечали американский историк Р. Чикеринг и его швейцарский коллега Ш. Фёрстер, «во многих отношениях она осталась ограниченной. Хотя театры военных действий охватили различные части земного шара, основные сражения происходили, главным образом, в Центральной и Восточной Европе, а также в Восточной Азии. Значительные части планеты, в т.ч. Африка южнее Сахары или все Западное полушарие, остались вне прямых боевых действий. Масштаб уничтожения гражданских лиц и собственности соответствовал упомянутым географическим рамкам войны. Экономическая мобилизация в различных странах отнюдь не была одинаково глубокой» [39].

Даже в случае Второй мировой войны можно говорить о неравномерном распределении «тотальности», о локализации этих процессов на отдельных, пусть и огромных по абсолютному размеру территориях. Подобный подход пересекается с методологией исследо-

ваний власти, предложенной французским философом М. Фуко еще в конце 1970-х гг. Один из ключевых тезисов его «микрофизики власти», как суммировал исследователь Д.Ю. Сивков, заключался в том, что «анализируемые феномены власти всегда имеют локальный характер, укорененность в специфических условиях места и времени» [40]. При этом между изучением феноменов власти и войны нет непреодолимых перегородок. С точки зрения ван Кревельда, «война не просто служит власти, она и есть власть...» [41].

Очевидно, что один из максимумов «тотальности» Второй мировой войны был достигнут на советско-германском фронте. Свой «вклад» в этот процесс внесли не только обозначенные выше общие факторы «тотализации», но и специфические условия столкновения СССР и Германии. Отметим лишь два из них.

Первое — Великая Отечественная война была примером столкновения крупных сухопутных государств, исход которого зависел, прежде всего, от сражений масштабных армий на суше. Традиционно такой тип конфликта был сопряжен с наиболее крупными людскими потерями. Даже в гитлеровских планах установления гегемонии и завоевания «жизненного пространства» в Европе прослеживалось стремление тратить в дальнейшем на сухопутные силы меньше ресурсов. Эти ресурсы утекали в «бездонную бочку» сражений на суше, а нацистский фюрер надеялся перераспределить расходы в пользу бо-

[39] A World at Total War. — P. 7.

[40] Сивков Д.Ю. К вопросу о методе анализа материальности в микрофизике власти М. Фуко / Д.Ю. Сивков // Социология власти. — 2017. — Т. 29. — №4. — С. 65. — Текст: непосредственный.

[41] Кревельд М. ван. Указ. соч. — С. 327.

лее технологичных видов войск – авиации и флота [42].

Второе – маневренный характер боевых действий на советско-германском фронте также усилил воздействие некоторых элементов «тотализации» войны. Так, период развития «блицкрига» оказался самым губительным для советских военнопленных: из 3,35 млн оказавшихся в плену в 1941 г., к декабрю погибло 1,4 млн человек. Количество убитых среди гражданского населения (еврейское население, советские государственные служащие и др.) уже к концу 1941 г. оценивается в 500 тыс. человек [43].

Оперативные факторы развития конфликта в этом смысле влияли на то, какую форму примут тенденции «тотализации», дополняя воздействие более фундаментальных обстоятельств. Помимо прочего, ситуация на советско-германском фронте серьезным образом отличалась от позиционных сражений на Западном фронте в годы Первой мировой войны тем, что во время последних траншеи и оборонительные полосы по обе линии фронта превратили воюющие государства в своего рода осажденные крепости. Находившееся внутри «крепостей» гражданское население было укрыто от большинства бед, переживаемых на фронте, что сделало конфликт 1914 – 1918 гг. преимущественно «солдатской войной» [44].

Наконец, еще одним важным явлением, нередко выпадающим из фокуса представлений о поступательном

движении от одной «тотальной войны» к другой, являются те виды вооруженных конфликтов, которые не соответствуют «эталону» тотальной и/или индустриальной войны. Обратим внимание на два подобных примера – колониальные кампании и «малые войны», принимавшие подчас форму опосредованных войн или прокси-войн (англ. proxy wars).

Феномены европейских колониальных кампаний на периферии с одной стороны и «тотальных войн» между великими державами с другой определенным образом связаны друг с другом. Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что методы, применявшиеся европейцами в колониях, а также связанные с колониализмом расистские представления были затем «реэкспортированы в Старый Свет с новыми элементами» в период мировых войн [45]. При этом колониальные экспедиции, которые по степени ущерба могли быть почти «тотальными» для местного населения, не требовали от европейских стран ни широкомасштабной мобилизации, ни применения крупных вооруженных сил. Конфликт, являвшийся «тотальным» для одной стороны, не был таковым для другой.

Аналогичная асимметрия наблюдалась и в степени индустриализации войны. Для западных держав ставка на современные вооружения, применявшиеся для подавления и предупреждения антиколониальных выступлений, была способом экономии ресурсов

[42] Протокол совещания Гитлера с руководителями вермахта, 23 мая 1939 г. / Н.С. Лебедева и др. // Нюрнбергский процесс. – Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1988. – С. 229. – Текст: непосредственный.

[43] 1937–1947: la guerre-monde. – Т. 2. – P. 1754.

[44] Great War, Total War. – P. 19–33.

[45] Stevenson M. Total war: Europeans and Indigenous Peoples in the Columbian Epoch / M. Stevenson // Anthropological Forum. – 1991. – Vol. 6. – No. 3. – P. 322. – Текст: непосредственный.

и людских сил, а также отражала их военно-техническое превосходство над противником. Характеризуя идеи британского военного теоретика и адепта «малой армии» Дж. Фуллера, изложенные в книге «Реформация войны» (1923), советский военачальник М.Н. Тухачевский подчеркивал: «Авиация, моторизация и химия — основные средства для того, чтобы малыми силами преодолевать громадные пространства и покорять слабо вооруженные племена. Для таких задач нужна небольшая, но полностью механизированная армия» [46].

Феномен «колониальных войн» не совсем укладывается в идею нарастающей «тотализации» и «перехода» от Первой ко Второй мировой войне еще по одной причине. В межвоенный период даже те державы, которые исходили в своем стратегическом планировании из сценария «тотальной войны», на практике вели военные кампании иного рода. Подчас это порождало дихотомию между теорией и образом будущей войны с одной стороны и реальной практикой вооруженных сил с другой. Подобная раздвоенность была наиболее очевидна в 1920 – 1930-е гг. в Великобритании, армия которой, скорее, выполняла функции «имперской полиции», а не готовилась к крупномасштабному конфликту в Европе [47]. Отчасти схожая ситуация наблюдалась в годы «холодной войны». Разработка

сценариев на случай термоядерной войны соседствовала с применением американских и советских вооруженных сил в совсем иного рода кампаниях (Вьетнам, Афганистан и др.).

Акцент на «больших войнах» в виде Первой и Второй мировой войн подчас затеняет роль «малых войн» межвоенного периода. Вместе с тем подобные конфликты, как и действия в колониях, не только являлись той реальностью, с которой преимущественно сталкивались вооруженные силы великих держав в 1920 – 1930-е гг., но и влияли на уровень их подготовленности к «тотальным войнам», а иногда — даже на образ будущего конфликта. Так, неверно истолкованные «уроки» Гражданской войны в Испании (1936 – 1939 гг.), наложившиеся на последствия «большого террора», привели к немаловажным трансформациям советской военной доктрины: отказу от теории глубокой операции, ассоциировавшейся с именем Тухачевского; усилению идей о позиционном характере войны и роли непрерывных фронтов; расформированию бронетанковых корпусов; ликвидации специализированных тактических авиационных полков и эскадр (кроме авиачастей ВМФ) и др. [48] Восприятие Гражданской войны в Испании как «жизнеспособного сценария для будущей войны в Европе» оказалось «одной из фундаментальных ошибок» советского руководства [49].

[46] Тухачевский М.Н. Избранные произведения / М.Н. Тухачевский. – Т. 2. – М.: Воениздат, 1964. – С. 153. – Текст: непосредственный.

[47] Магадеев И.Э. Армия или полиция? Роль «колониального фактора» в развитии британской армии в 1920-е гг. / И.Э. Магадеев / Скепсис: научно-просветительский журнал. – Сентябрь 2011 г. – URL: https://scepsis.net/library/id_3060.html (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

[48] Гребенюк А.В. РККА накануне Великой Отечественной войны / А.В. Гребенюк // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – №2(11). – С. 25–26. – Текст: непосредственный.

[49] Payne S.G. The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism / S.G. Payne. – New Haven: Yale University Press, 2004. –

Если конфликт 1936 – 1939 гг. в Испании, нередко рассматриваемый как «опосредованная война между Советским Союзом и европейскими странами «оси»» [50], оказался неподходящим «эталон» для Второй мировой, то сам по себе сценарий прокси-войн стал еще более актуальным после 1945 г., в условиях холодной войны. Адаптация к нему оказалась, однако, весьма болезненной, в том числе для США. Если в первые годы холодной войны стратегические оценки Вашингтона, главным образом, «основывались на представлении о том, что угрозу представляет советское нашествие в Европу в стиле сражений Второй мировой войны, ради которого Москва пойдет ва-банк», то события Корейской войны 1950 – 1953 гг. резко усилили внимание американских военных и дипломатов к сценарию опосредованной войны. Наступление армии КНДР, санкционированное Москвой, рассматривалось теперь в Вашингтоне как образец для возможных боевых действий советских «сателлитов» и в других точках земного шара [51].

«ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА» КАК ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Все вышесказанное не равняется призыву отказаться от концепции «тотальной войны», а, скорее, нацеливает на уточнение сферы и возможностей ее текущего применения. Вместе с тем автор считает возможным предложить

некоторые идеи по расширению методологического аппарата в исследованиях «тотализации» войны.

Для различных экспертов уже достаточно давно было понятно, что война не только в XX в., но и раньше явно была чем-то большим, чем собственно боевые действия на фронтах. Она являлась частью более обширных социально-экономических и политических процессов человеческой истории. Как отмечал ван Кревельд, анализируя работы прусского военного теоретика К. фон Клаузевица первой трети XIX в., «одно из наиболее важных утверждений Клаузевица состоит в том, что война представляет собой разновидность общественной деятельности» [52].

Исследовательский интерес в этом смысле представляет дальнейшее сближение методов и подходов, используемых в таком историографическом направлении как военная история, с наработками социальной и экономической «историй». Подобный синтез не является чем-то абсолютно новым. Посвоему он осуществлялся в советской историографии или англоязычными авторами, работавшими в рамках направления «война и общество». Однако потенциал подобных исследований, как представляется, не исчерпан.

В данном случае хотелось бы затронуть лишь два аспекта. Особенности «тотализации» и «индустриализации» войны, помимо обозначенных выше факторов, коррелируют с разделе-

Р. 309. – Текст: непосредственный.

[50] The Oxford Handbook of Spanish Politics / ed. by D. Muro, I. Lago. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – Р. 3–4. – Текст: непосредственный.

[51] Coleman D.G. The Berlin–Korea Parallel: Berlin and American National Security in Light of the Korean War / D.G. Coleman // Australasian Journal of American Studies. – 1999. – Vol. 18. – No. 1. – Р. 19–41. – Текст: непосредственный.

[52] Кревельд М. ван. Указ. соч. – С. 67.

нием мира на «центр» и «периферию» (в терминах американского социолога И. Валлерстайна). То обстоятельство, что Первая и Вторая мировая войны стали своего рода «эталоном» «тотальной войны», в значительной степени связано с тем, что в ходе этих конфликтов столкнулись относительно равновесные коалиции, вобравшие в себя наиболее могущественные и промышленно развитые государства «центра» тогдашней «мир-системы». По-своему эту мысль фиксировали уже современники. Как подчеркивал весной 1922 г., анализируя опыт Первой мировой войны, советский военачальник М. В. Фрунзе, «при известном равенстве сил, при большом количестве армий создается известное равновесие на более или менее продолжительное время» [53].

При этом совокупность политических, социально-экономических, географических и иных условий привела к тому, что и внутри стран «центра», боровшихся друг с другом в ходе мировых войн, происходило негласное «разделение труда», когда одни державы вели более «тотальную», а другие — менее «тотальную» войну. Подобное «разделение труда» де-факто существовало, например, в годы Второй мировой войны между ведущими странами антигитлеровской коалиции, хотя его «нельзя было назвать справедливым или сознательно продуманным» [54]. США, осуществив невиданный для себя ранее перевод экономики на военные рельсы,

тем не менее остались в стороне от наиболее разрушительных проявлений войны (отчасти эта мысль применима и к Великобритании). В телеграмме от 23 октября 1942 г., отправленной в Москву в разгар Сталинградской битвы, посол СССР в Великобритании И. М. Майский дал проницательный анализ, сравнив в том числе положение Страны Советов и Туманного Альбиона: «легкая война» в английском понимании включает операции на море и в воздухе, но не на суше... Драться на суше, по мнению англичан, должны будут другие — сначала поляки, потом французы, потом греки и югославы и, наконец, теперь мы. Британцы же готовы были вносить свою «лепту» военно-морским и воздушными флотами, снабжением и «символическими» жестами на суше» [55].

При этом было очевидно, что развитие наиболее технологичных видов вооруженных сил — авиации, флота, а затем ракетных войск — не могло «отменить» значения армий. Сухопутные силы сохраняли свою роль и в условиях ракетно-ядерного века. В 1980-е гг. в оценках американской разведки, в которых рассматривались возможные сценарии ядерной войны между США и СССР, подчеркивалось, что после первой фазы в виде «обмена» ядерными ударами Советский Союз постарается консолидировать выжившие конвенциональные силы с предполагаемой целью занять «значительные территории

[53] Фрунзе М.В. Избранные произведения / М.В. Фрунзе. — М.: Воениздат, 1965. — С. 92. — Текст: непосредственный.

[54] Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. — М.: Издательство Московского университета, 2020. — С. 287. — Текст: непосредственный.

[55] Майский — Сталину, 23 октября 1942 г. / МИД России; под ред. В.Г. Титова и др. // Документы внешней политики СССР. — 1942. — Т. XXV. — Кн. 2. — Тула: Гриф и Ко., 2010. — С. 296. — Текст: непосредственный.

Западной Европы». Предполагалось, что и США должны быть готовы к ведению сухопутной войны даже после первой фазы ядерных ударов [56].

Еще в большей степени неравенство в распределении бремени «тотальной войны» сказывалось во время колониальных экспедиций, осуществлявшихся ведущими странами, а также в специфике «тотальности» насилия в «центре» и на «периферии». Если считать важным проявлением «тотальности» войны «стирание каких-либо границ и уничтожение каких-либо лимитирующих факторов на пути распространения военного насилия» [57], то само наличие четких границ между миром и войной «было привилегией центра» [58]. На периферии речь шла, скорее, не о жестком разграничении войны и мира, а о специфическом континууме насилия, принимавшего различные по масштабам и последствиям формы.

* * *

Как отмечал ряд экспертов, наше понимание феномена «тотальной войны» опирается, прежде всего, на примеры двух мировых войн и тесно связано с их конкретно-историческими реалиями. «Век тотальной войны», говорится ли о периоде с 1860 по 1945 г. (британский историк Дж. Блэк) [59], с 1916 по 1945 г. (британский и американский политолог

К. Грэй) [60] или о каких-то других хронологических рамках, развивался в уникальных обстоятельствах. Тень тотального по своим последствиям и разрушительности конфликта нависала над миром и в период «холодной войны», когда своеобразным эталоном такого конфликта стала полномасштабная термоядерная война между сверхдержавами [61].

Если определение того или иного конфликта в качестве «тотального» может служить средством анализа его черт и особенностей, то нередко, как стремился продемонстрировать автор в представленной статье, складывается обратная ситуация. Сама «тотальность» войны требует объяснения, являясь результатом воздействия целого ряда факторов, итогом констелляции уникальных по-своему, как и многое в человеческой истории, обстоятельств.

Представление о «магистральной линии» развития военных конфликтов в первой половине XX века в виде нарастающей «тотализации» и «индустриализации» войны, не покрывает всего разнообразия и внутренней сложности исторического процесса. Факторы, стимулировавшие развитие процессов «тотализации» (государства, технологии, идеологии), одновременно содержали в себе внутренние лимиты на развитие данных процессов до пре-

[56] NIE 11-3/8-83, 6 March 1984. – P. 46 // Digital National Security Archive. – URL: <https://www-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679148693/fulltextPDF/85DF1F0CFBC240E3PQ/1?accountid=108701> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

[57] Магадеев И.Э. Динамика тотализации войн в истории XX столетия. – С. 7.

[58] Saint-Amour P.K. Op. cit. – P. 429.

[59] Black J. The Age of Total War, 1860–1945 / J. Black. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. – 216 p. – Текст: непосредственный.

[60] Gray C.S. Modern Strategy / C.S. Gray. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 191. – Текст: непосредственный.

[61] Brodie B. Defense Policy and the Possibility of Total War / B. Brodie // Daedalus. – 1962. – Vol. 91. – No. 4. – P. 733–748. – Текст: непосредственный.

дела. Концепция «тотальной войны» оставляет за скобками ряд важных обстоятельств, влиявших на эволюцию военного дела и военных представлений в 1914 – 1945 гг.: роль человеческого фактора и специфических оперативно-стратегических условий конфликта, значение

колониальных и «малых войн» межвоенного периода. При этом указанная концепция продолжает оставаться ценным исследовательским инструментом и может быть дополнена наработками из сферы социально-экономической истории, а также «мир-системной» теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2020. – 885 с. – Текст: непосредственный.
2. Гребенюк А.В. РККА накануне Великой Отечественной войны / А.В. Гребенюк // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – №2(11). – С. 5–38. – Текст: непосредственный.
3. Истомин И.А. Миражи инноваций: «вклад» технологического прогресса в военную нестабильность / И.А. Истомин // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Т. 13 – №6. – С. 7–52. – Текст: непосредственный.
4. Кревельд М. ван. Трансформация войны / М. ван Кревельд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 344 с. – Текст: непосредственный.
5. Магадеев И.Э. Армия или полиция? Роль «колониального фактора» в развитии британской армии в 1920-е гг. / И.Э. Магадеев / Скепсис: научно-просветительский журнал. – Сентябрь 2011 г. – URL: https://scepsis.net/library/id_3060.html (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.
6. Магадеев И.Э. «Вторая тридцатилетняя война» 1914–1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне / И.Э. Магадеев // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 4. – С. 34–61. – Текст: непосредственный.
7. Магадеев И.Э. Первая мировая как тотальная война / И.Э. Магадеев // Новая и новейшая история. – 2014. – №4. – С. 3–16. – Текст: непосредственный.
8. Магадеев И.Э. Первая мировая через призму концепции «тотальной войны»: взгляд современников и историков / И.Э. Магадеев; отв. ред. Е.Ю. Сергеев // Первая мировая война – пролог XX века. Ч. 1. – М.: ИВИ РАН, 2014. – С. 331–334. – Текст: непосредственный.

9. Магадеев И.Э. Динамика тотализации войн в истории XX столетия / И.Э. Магадеев; отв. ред. А.А. Богдашкин // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). – Воронеж: Научная книга, 2017. – С. 5–18. – Текст: непосредственный.

10. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общества в IX–XX веках / У. Мак-Нил. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 456 с. – Текст: непосредственный.

11. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну / А.А. Маниковский. – 3-е изд. – М.: Воениздат, 1937. – 718 с. – Текст: непосредственный.

12. Мировые войны XX века / ИВИ РАН; отв. ред. Г.Д. Шкундин. – Кн. 1. – М.: Наука, 2002. – 686 с. – Текст: непосредственный.

13. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – 816 с. – Текст: непосредственный.

14. Сергеев Е.Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны / Е.Ю. Сергеев // Новая и новейшая история. – 2014. – № 2. – С. 3–15. – Текст: непосредственный.

15. Сивков Д.Ю. К вопросу о методе анализа материальности в микрофизике власти М. Фуко / Д.Ю. Сивков // Социология власти. – 2017. – Т. 29. – №4. – С. 55–67. – Текст: непосредственный.

16. Сетов Р.А. Тектоника войны. 1939 год / Р.А. Сетов. – М.: Макс Пресс, 2019. – 344 с. – Текст: непосредственный.

17. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Ч. Тилли. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 360 с. – Текст: непосредственный.

18. Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914 – 1918 гг. / Ф. Фишер. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 677 с. – Текст: непосредственный.

19. 1937 – 1947: la guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. – Т. 1. – Paris: Gallimard, 2015. – 1412 p. – Текст: непосредственный.

20. 1937 – 1947: la guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. – Т. 2. – Paris: Gallimard, 2015. – 1063 p. – Текст: непосредственный.

21. Anticipating Total War. The German and American Experiences, 1871–1914 / ed. by M. Boemeke, R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 496 p. – Текст: непосредственный.

22. A World at Total War. Global Conflict and the Politics of Destruction, 1937–1945 / ed. by R. Chickering, S. Förster, B. Greiner. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 392 p. – Текст: непосредственный.

23. Black J. The Age of Total War, 1860–1945 / J. Black. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. – 216 p. – Текст: непосредственный.

24. Brendon P. The Dark Valley: A Panorama of the 1930s. / P. Brendon – London: Jonathan Cape, 2000. – 701 p. – Текст: непосредственный.

25. Coleman D.G. The Berlin–Korea Parallel: Berlin and American National Security in Light of the Korean War / D.G. Coleman // Australasian Journal of American Studies. – 1999. – Vol. 18. – No. 1. – P. 19–41. – Текст: непосредственный.

26. Copeland D. Neorealism and the Myth of Bipolar Stability: Toward a New Dynamic Realist Theory of Major War / D. Copeland // Security Studies. – 1996. – Vol. 5. – No. 3. – P. 29–89. – Текст: непосредственный.

27. Gat A. War in Human Civilization / A. Gat. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 840 p. – Текст: непосредственный.

28. Germany and the Second World War. Vol. IX/I / ed. by J. Echternkamp. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 1074 p. – Текст: непосредственный.

29. Gray C.S. Modern Strategy / C.S. Gray. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 432 p. – Текст: непосредственный.

30. Great War, Total War. Combat and Mobilization on the Western Front / ed. by R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 531 p. – Текст: непосредственный.

31. Imlay T. Total war / T. Imlay // Journal of Strategic Studies. – 2007. – Vol. 30. – No. 3. – P. 547–570. – Текст: непосредственный.

32. Lytton A. In the House of Rimmon: British Aid to the Soviet Union, June–September 1941 / A. Lytton // The Journal of Slavic Military Studies. – 2013. – Vol. 26. – No. 4. – P. 673–704. – Текст: непосредственный.

33. Marwick A. War and Social Change in the Twentieth Century: A Comparative Study of Britain, France, Germany, Russia and the United States / A. Marwick. – N.Y.: St. Martin's Press, 1975. – 258 p. – Текст: непосредственный.

34. Miquel P. La Grande guerre / P. Miquel. – Paris: Fayard, 1983. – 663 p. – Текст: непосредственный.

35. Neumann F.L. Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism / F.L. Neumann. – N.Y.: Oxford University Press, 1942. – 532 p. – Текст: непосредственный.

36. On the Road to Total War. The American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871 / ed. by S. Förster, J. Nagler. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 705 p. – Текст: непосредственный.

37. Payne S.G. The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism / S.G. Payne. – New Haven: Yale University Press, 2004. – 418 p. – Текст: непосредственный.

38. Saint-Amour P.K. On the Partiality of Total War / P.K. Saint-Amour // Critical Inquiry. – 2014. – Vol. 40. – No. 2. – P. 420–449. – Текст: непосредственный.

39. Stevenson M. Total war: Europeans and Indigenous Peoples in the Columbian epoch / M. Stevenson // Anthropological Forum. – 1991. – Vol. 6. – No. 3. – P. 321–338. – Текст: непосредственный.

40. The Cambridge History of the First World War / ed. by J. Winter. – Vol. 2. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 802 p. – Текст: непосредственный.

41. The Oxford Handbook of Spanish Politics / ed. by D. Muro, I. Lago. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 768 p. – Текст: непосредственный.

42. The Routledge Handbook of Ethnic Conflict / ed. by K. Cordell, S. Wolf. – 2nd ed. – London: Routledge, 2016. – 420 p. – Текст: непосредственный.

43. The Shadows of Total War. Europe, East Asia, and the United States, 1919–1939 / ed. by R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 376 p. – Текст: непосредственный.

44. Winter J.M. Demographic history and the political economy of war in Western Europe, 1914–1918 / J.M. Winter // Annales de démographie historique / Société de démographie historique. – Paris: EHESS, 1990. – P. 379–407. – Текст: непосредственный.

REFERENCES

1. 1937–1947: la guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. – T. 1. – Paris: Gallimard, 2015. – 1412 p.
2. 1937–1947: la guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. – T. 2. – Paris: Gallimard, 2015. – 1063 p.
3. A World at Total War. Global Conflict and the Politics of Destruction, 1937–1945 / ed. by R. Chickering, S. Förster, B. Greiner. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 392 p.
4. Anticipating Total War. The German and American Experiences, 1871–1914 / ed. by M. Boemeke, R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 496 p.
5. Black J. The Age of Total War, 1860–1945 / J. Black. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. – 216 p.
6. Brendon P. The Dark Valley: A Panorama of the 1930s. / P. Brendon – London: Jonathan Cape, 2000. – 701 p.
7. Coleman D.G. The Berlin–Korea Parallel: Berlin and American National Security in Light of the Korean War / D.G. Coleman // Australasian Journal of American Studies. – 1999. – Vol. 18. – No. 1. – P. 19–41.
8. Copeland D. Neorealism and the Myth of Bipolar Stability: Toward a New Dynamic Realist Theory of Major War / D. Copeland // Security Studies. – 1996. – Vol. 5. – No. 3. – P. 29–89.
9. Creveld M. van. Transformacija vojny [The transformation of war] / M. van Creveld. – Moscow: Al'pina Biznes Buks, 2005. – 344 p.
10. Fischer F. Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennyh celej kajzerovskoj Germanii v 1914–1918 gg. [Race to the world power. War aims politics of the Kaiser Germany in 1914–1918] / F. Fischer. – Moscow: Politicheskaja jenciklopedija, 2017. – 677 p.
11. Gat A. War in Human Civilization / A. Gat. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 840 p.
12. Germany and the Second World War. Vol. IX/I / ed. by J. Echternkamp. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 1074 p.
13. Gray C.S. Modern Strategy / C.S. Gray. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 432 p.

14. Great War, Total War. Combat and Mobilization on the Western Front / ed. by R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 531 p.

15. Grebenuk A.V. RKKa nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny [The Red Army on the even of the Great Patriotic war] / A.V. Grebenuk // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2010. – №2(11). – P. 5–38.

16. Imlay T. Total war / T. Imlay // Journal of Strategic Studies. – 2007. – Vol. 30. – No. 3. – P. 547–570.

17. Istomin I.A. Mirazhi innovacij: «vklad» tehnologicheskogo progressa v voennuju nestabil'nost' [Innovation Mirage: The Role of Technological Uncertainty in Military Instability] / I.A. Istomin // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2020. – T. 13 – №6. – P. 7–52.

18. Lytton A. In the House of Rimmon: British Aid to the Soviet Union, June–September 1941 / A. Lytton // Journal of Slavic Military Studies. – 2013. – Vol. 26. – No. 4. – P. 673–704.

19. Magadeev I.E. Armija ili policija? Rol' «kolonial'nogo faktora» v razvitii britanskoj armii v 1920-e gg. [Army or police? Role of the “colonial factor” in the development of the British army in the 1920s] / I.E. Magadeev / Skepsis: nauchno-prosvetitel'skij zhurnal. – September 2011. – URL: https://scepsis.net/library/id_3060.html (mode of access: 15.02.2022).

20. Magadeev I.E. «Vtoraja tridcatiletnjaja vojna» 1914–1945 gg.? O nekotoryh osobennostjah razvitija mezhdunarodnyh otnoshenij v Evrope na puti ko Vtoroj mirovoj vojne [Second Thirty Years' war of 1914–1945? Some features of international relations on the way to the Second World War] / I.E. Magadeev // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. – 2014. – № 4. – P. 34–61.

21. Magadeev I.E. Pervaja mirovaja kak total'naja vojna [First World war as total war] / I.E. Magadeev // Novaja i novejschaja istorija. – 2014. – №4. – P. 3–16.

22. Magadeev I.E. Pervaja mirovaja cherez prizmu koncepcii «total'noj vojny»: vzgljad sovremennikov i istorikov [First World War seen through the lens of the “total war” conception: views of contemporaries and scholars] / I.E. Magadeev; ed. E.Yu. Sergeev // Pervaja mirovaja vojna – prolog XX veka [First World War – prologue of the XX century]. Pt. 1. – Moscow: IVI RAN, 2014. – P. 331–334.

23. Magadeev I.E. Dinamika totalizacii vojn v istorii XX stoletija [Dynamics of warfare totalisation in the XX century] / I.E. Magadeev; ed. A.A. Bogdashkin // Fenomen mirovyh vojn v istorii XX veka: materialy Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoj konferencii (g. Voronezh, 11–12 maja 2017 g.) [World wars in the history of the XX century: proceedings of the All-Russian scientific and theoretical conference (Voronezh, 11–12 May 2017)]. – Voronezh: Nauchnaja kniga, 2017. – P. 5–18.

24. Manikovskii A.A. Boevoe snabzhenie russkoj armii v mirovuiu vojnu [Military supplies of the Russian army in the World war] / A.A. Manikovskii. – 3rd ed. – Moscow: Voenizdat, 1937. – 718 p.

25. Marwick A. War and social change in the twentieth century: A comparative study of Britain, France, Germany, Russia and the United States / A. Marwick. – N.Y.: St. Martin's Press, 1975. – 258 p.

26. McNeill W. V pogone za moshh'ju. Tehnologija, vooruzhennaja sila i obshhestva v XI–XX vekah [The pursuit of power. Technology, armed forces and society in XI–XX centuries] / W. McNeill. – Moscow: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2008. – 456 p., ill.

27. Mirovye vojny XX veka [World wars of the XX century] / IVI RAN; ed. G.D. Shkundin. – T. 1. – Moscow: Nauka, 2002. – 686 p.

28. Miquel P. La Grande guerre / P. Miquel. – Paris: Fayard, 1983. – 663 p.

29. Neumann F.L. Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism / F.L. Neumann. – N.Y.: Oxford University Press, 1942. – 532 p.

30. On the Road to Total War. The American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871 / ed. by S. Förster, J. Nagler. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 705 p.

31. Payne S.G. The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism / S.G. Payne. – New Haven: Yale University Press, 2004. – 418 p.

32. Pervaja mirovaja vojna i sud'by evropejskoj civilizacii [The First World war and the destiny of European civilisation] / eds. L.S. Belousov, A.S. Manykin. – Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. – 816 p.

33. Saint-Amour P.K. On the Partiality of Total War / P.K. Saint-Amour // Critical Inquiry. – 2014. – Vol. 40. – No. 2. – P. 420–449.

34. Sergeev E.Yu. Aktual'nye problemy izuchenija Pervoj mirovoj vojny [Actual problems of studying the World War I] / E.Yu. Sergeev // Novaja i novejsaja istorija. – 2014. – № 2. – P. 3–15.

35. Setov R.A. Tektonika vojny. 1939 god [Tectonics of war. 1939] / R.A. Setov – Moscow: Maks Press, 2019. – 344 p.

36. Sivkov D.Yu. K voprosu o metode analiza material'nosti v mikrofizike vlasti M. Fuko [On the analysis method of materiality in Foucault's microphysics of power] / D.Yu. Sivkov // Sociologija vlasti. – 2017. – Vol. 29. – No. 4. – P. 55–67.

37. Stevenson M. Total war: Europeans and Indigenous Peoples in the Columbian epoch / M. Stevenson // *Anthropological Forum*. – 1991. – Vol. 6. – No. 3. – P. 321–338.

38. The Cambridge History of the First World War / ed. by J. Winter. – Vol. 2. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 802 p.

39. The Oxford Handbook of Spanish Politics / ed. by D. Muro, I. Lago. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 768 p.

40. The Routledge Handbook of Ethnic Conflict / ed. by K. Cordell, S. Wolf. – 2nd ed. – London: Routledge, 2016. – 420 p.

41. The Shadows of Total War. Europe, East Asia, and the United States, 1919–1939 / ed. by R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 376 p.

42. Tilly Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva. 990–1992 gg. [Coercion, capital, and European states, AD 990–1992] / Ch. Tilly. – Moscow: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2008. – 360 p.

43. Vtoraja mirovaja vojna i transformacija mezhdunarodnyh otnoshenij: ot mnogopoljarnosti k bipoljarnomu miru [Second World war and transformation of the international relations: from multipolarity to the bipolar order] / eds. L.S. Belousov, A.S. Manykin. – Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2020. – 885 p.

44. Winter J.M. Demographic history and the political economy of war in Western Europe, 1914–1918 / J.M. Winter // *Annales de démographie historique* / Société de démographie historique. – Paris: EHESS, 1990. – P. 379–407.